

ОН НАПИСАЛ ей сразу по приезде в маленький городок на границе дельты с пустыней, куда получил назначение. Письмо было подробное.

«Это захудалый провинциальный городишко, чуть ли не деревня. Стоит он на железной дороге, что идет в провинцию Тахрир, на север...»

Сам он был доволен. Назначение было почетное, и это, само собой, не могло не повлиять на будущую его жену. Она должна разделить его гордость. Шутка ли: старший учитель в начальной школе! Возможно, он будет самым молодым среди коллег. Новый пост, связанный с высоким общественным положением, многое менял в его жизни и приближал день свадьбы.

Поезд вяло и равнодушно тащился по пустыне. Неторопливый пассажирский поезд, который должен был доставить его до места, как говорилось в расписании, «до наступления темноты».

Поездка развлекала его: новые края, часто мелькающие полустанки с незнакомыми названиями. Прежде он никогда не бывал здесь. Состав остановился (он тут же забыл название станции) и тронулся дальше, но вдруг встал опять и больше не двигался. Начальнику станции сообщили, что у встречного товарного сошел с рельсов вагон. Дорога была однопутная.

Пассажиры разминались, потягиваясь, многие огорченно вздыхали. Сосед, которому, казалось, не в диковинку были подобные происшествия, откинулся на спинку скамьи и невозмутимо сказал: «Что ж, поспим до утра».

Стояли короткие осенние дни, солнце, бившее в окна, вот-вот должно было закончить свой путь на запад. Красота заката отвлекла его.

То, что случилось, казалось ему случайностью, но случайности бывают разные: одни вызывают улыбку, другие — мрачные предчувствия. Это происшествие он воспринял как курьез.

Игра теней на барханах завладела его вниманием. Солнечный свет, словно одежда, плотно облегал песчаные холмы — образ, воспетый поэтами пустыни, — напоминал о красоте женского тела.

Устав от неподвижности, он

Мухаммад Абд аль-Халим Абдалла — египетский прозаик, автор ряда романов и сборников рассказов. В своих произведениях рисует быт арабской деревни, небольших провинциальных городов, анализируя социальные и психологические сдвиги, происходящие в последнее время в среде мелкой буржуазии и крестьянства.

РАССКАЗ

**МУХАММАД
АБД АЛЬ-ХАЛИМ
АБДАЛЛА**

полез в карман, нащупал сигареты, закурил, вытащил бумажник, обнаружил в нем адрес человека, которого когда-то встретил в трамвае, вспомнил о забытом обещании навестить его, нашел оплаченный счет от торговца, фотографию брата. Фотография невесты вызвала у него улыбку: «Жена старшего учителя...». По пятницам она будет принимать учительских жен, болтать, как всякая женщина, искусно скрывая гордость: ведь муж ее... Он смутился — ему почудилось, будто он рассмеялся вслух.

Лучи солнца, упав на фотографию, словно нимб, засветились вокруг ее лица. Казалось, она улыбается ему в ответ.

Потом он достал листок с адресом маленького и единственного в городе отеля. Адрес раздобыл для него приятель, у которого был в городе знакомый. Прочитал: «Отель «Счастье». Ах, как хорошо! Отдельная комната. Если бы еще рядом с мечетью! Он так любит мелодичный призыв муэдзина. Он не замечал уже, идет ли поезд или стоит на месте. Погрузившись в свои мысли, он перебирал в памяти все, что знал о городе, где ему суждено теперь жить, но то и дело возвращался к воспоминаниям о невесте...

Последний луч скользнул по барханам, и солнце скрылось. Сосед вздохнул и, глядя на сгущающиеся сумерки, безнадежно пробурчал: «Ну вот и ночь». «Старший учитель», возвращаясь к прерванным мыслям, улыбнулся: «Может, этот молодой человек — учитель начальной школы, даже мой подчиненный?». Передернул плечами — чем черт не шутит!..

Время шло, а поезд все стоял. Брюзжание молодого человека отражало общее настроение. Но он не чувствовал ни раздражения, ни скуки, целиком углубившись в свой внутренний мир.

Открыв окно, он полной грудью вдохнул воздух пустыни. Радость переполняла его. Он напишет ей обо всем позже, когда встретится с коллегами.

«...Когда поезд свистнул и тронулся, моя дорогая, пассажиры воспрянули, словно угодили в рай, минуя страшный суд...»

Была полночь, когда поезд прибыл на его станцию. Он вышел из вокзала со смешанным чувством беспокойства, любопытства и неуверенности, как и всякий человек, очутившийся в незнакомом месте. С безлюдных улиц тянуло запахами скотного базара, гнилых фруктов и овощей. Деревья покачивались на октябрьском ветру, отбрасывая причудливые тени.

В центре городка перед зданием почты расхаживал полицейский. Подойдя к нему и пожелав ему доброго вечера, он спросил, где находится отель «Счастье».

— Какой, какой?! «Счастье»? — Приложив ладонь к уху, полицейский старался понять, что ему говорят.

— Да, да! «Счастье». Может, здесь есть другой отель, лучше?

Полицейский прыснул. Смех зазвенел в ночной тишине, и мечты молодого человека мгновенно развеялись. Оробев, он начал: «Я... я...» — но полицейский прервал его:

— Да, был у нас отель под таким названием — двухкомнатный домик, принадлежавший холостяку-греку, но вот уж неделя, как хозяин умер. Все прочие дома в городе — частные.

Молчание... Смысл слов дошел наконец до молодого человека, и у него вырвалось:

— Где же мне переночевать?

Полицейский явно был в затруднении. Ведь его долг — помогать гражданам, даже давать им кров, но где?

— Может, вы переночуете у меня? — нерешительно предложил он.

— Благодарю... Но это, наверно, обременит вас?

— Да...

— Я — новый старший учитель начальной школы...

Лицо полицейского расплывается в улыбке.

«Тебе, дорогая, нужно было видеть эту картину у массивных дверей почты, под слабым светом фонаря. Казалось, он готов был подбросить винтовку в военном салюте, услышав, что я новый старший учитель в школе, куда ходит его сын. Он вытащил сигареты и почтительно дал мне закурить, едва не спалив себе спичкой пальцы. Уважительно коснувшись моей руки, он пригласил меня идти за ним...»

Они поднялись по улице, миновали вокзал и пошли дальше. Каблуки застучали по асфальтовой мостовой. Возле небольшого дома с темными окнами, нижний этаж которого занимал магазин, они остановились. Полицейский крикнул кого-то, постучал в дверь прикладом, потом забарабанил ногой. Из-за кипы товаров, тараща спросонья глаза, вылез растрепанный человек, в пыли с головы до ног. Хозяин взял ключ, свечу, и они вошли в высокую комнату.

«Старший учитель» повалился на широкую деревянную скамью, даже не задув свечу. Она так и горела до утра на подоконнике. Под окнами легкий ветерок покачивал ветки деревьев.

«...Я лежал на своем ложе, наслаждаясь одиночеством, в ожидании грядущего, и думал о тебе, Савсан. Я представлял: вот ты постучишь в дверь, божественное видение, и я услы-

шу твой робкий, серебристый смех. Я так люблю его.

Где-то всю ночь усердно скреблась мышка. На рассвете меня разбудил призывный голос с соседнего минарета, я бросился к окну, чтобы увидеть рождение нового дня...»

До свадьбы оставалось две недели. Он уже стал старшим учителем. На окраине города он снял дом из четырех комнат. Из окон видна была пальмовая роща, проселочная дорога, за нею поля, больница. Рядом большой пустырь, где мальчишки играли в футбол, и запущенный сад с одичавшими гнацинтами, олеандрами и лимонными деревьями, на которых, кроме шипов, ничего не было.

«...Если бы ты была здесь, моя дорогая, в этом маленьком раю... Под окнами нашей спальни, выходящими на юг, олеандр, усыпанный розовыми цветами и маленькими лезвиями листьев. Одно плохо: из-за пустыря дом наш открыт для нескромных взоров. Я снял его, прожив два дня у холостяка-учителя. Однажды, пока я дремал, у нас разбили окно, но это не беда. Как только мальчишки узнают, что в доме живет старший учитель, они будут поосторожнее.

Мебель привезут перед свадьбой. У меня такое чувство, словно ты рядом со мной, и все же мне одиноко...»

В школу он пошел через пару дней после того, как перебрался в свой дом, и вскоре встречи старшего учителя с его коллегами приняли обычный характер: утренние приветствия, краткие вопросы и ответы во время пятиминутных перемен...

Учитель арабского языка г-н Абд аль-Ваххаб как-то поинтересовался:

— Довольны ли вы своим новым домом, сударь?

Не отрываясь от бумаг, он ответил:

— Очень.

— Слава аллаху, — пробормотал г-н Абд аль-Ваххаб.

Г-н Баста, учитель математики, тоже обратился к нему:

— Как вы находите ваш новый дом, сударь?

— Отличный дом, — сказал он, просматривая расписание.

— Удовлетворение — знак благословения господня, — поклонился г-н Баста.

Долговязый учитель истории и географии спросил:

— Как вам живется в вашем новом доме, сударь?

Чиркнув зажигалкой, он ответил:

— Рай!

— Недостает только гурии...

Ах да, она скоро будет здесь. Он смущенно улыбнулся.

Наконец появилась гурия.

Они были женаты уже неделю. Им нравилось сидеть по вечерам в спальне, не зажигая огня. Лампа горела только в холле, отбрасывая мягкий свет. Болтая, они смотрели сквозь листву своего запущенного сада на пальмовую рощу. Пустырь, где мальчишки днем играли в футбол, казался им полем боя; пальмы и земля словно впитали в себя весь дневной гомон. Муж и жена обстоятельно обсуждали приготовления к четвергу. Придут с поздравлениями жены учителей.

Она, конечно, покажет свои подарки, наряды, драгоценности... Жена старшего учителя! Он представил, вот она принимает их, скрывая детскую гордость, обещает в ответ заглянуть к ним...

На следующий день все так и было.

Гости ушли, и молодая супруга вошла в спальню, где прилег муж. Присела к туалетному столику, поправила прическу... Ее словно подменили. Она казалась утомленной, расстроенной, даже напуганной.

Он же, удобно устроившись на кровати, слушал, как за окном посвистывает ветер и урчат отъезжающие машины.

— Абду, — позвала она.

— Да?

— Жена долгового учителя огорчила меня.

— Тебя, дорогая? — шутливо начал он. — Горе тому педагогу, чья жена осмелится расстроить супругу старшего учителя!

Шутка шуткой, но все оказалось куда серьезнее, чем он ожидал. Прижавшись к нему, она зашептала:

— В этом доме бродит душа старого хозяина. Ведь он построился на бывшем кладбище. Ах, Абду, нам надо скорее переехать отсюда.

Взяв жену за руку, словно ребенка, он спокойно и нежно заговорил:

— Я знал об этом раньше. Да, в этом доме, кроме старого хозяина, никто не хотел жить. Но, милая, кто же знает, что у нас под ногами? Посмотри, вон ребятишки играют в футбол и думают только о том, как бы забить гол. Под нашими окнами буйно цветет олеандр. Не раз

ГИМН НИЛУ

ЮСЕФУ АС-СИБАИ

Плодородна утроба твоя,
 породившая тучную Дельту,
 где ввысь вздымались мощные гиганты,
 рожденные из камня и гранита.
 А ненасытное лоно твое
 жаждало новых рождений.
 От волн появилась на свет красота — Афродита.
 Весенние свадьбы богов и людей
 населили Зеленое море народом,
 одержимым идеей: предметам
 придать размеры мечты,
 записать на песчинке земной
 ритмы жизни вселенной
 и сберечь ее суть
 для грядущих потомков.
 О Хапи¹, владыка,
 ты дал Океану весло,
 чтобы варварам нес
 он деянья твои.
 Ты пещеры разверз на земле Асуана.
 Среди пальм и смоковниц
 царственно высится камень,
 отполированный нежно ладонью твоей
 до девственной белизны.
 Он подобен лестнице в небо,
 вызову смерти.
 Хеопс, Хефрен, Микерин² —
 имена, на которых
 покоится слава твоя.
 Народ,
 плоть от плоти твоей,
 людской муравейник,
 волочивший мрамор

¹ Хапи — древнеегипетское название Нила.² Хеопс, Хефрен, Микерин — фараоны, покоящиеся в крупнейших пирамидах Египта.

с далеких эфиопских гор
 и громоздивший мраморные плиты
 по дороге в вечность,
 чтоб дух освободить от смертной
 изнуряющей тоски, —
 этот народ бессмертен, поскольку вечен ты.
 К тебе вернулся он
 толпой без имени, когортами,
 полегшими в песках
 пустынного забвенья. Пришел
 без лавровых венков и благовоний
 к тебе, источник мудрости,
 огня хранитель,
 к тебе, творец богов и скульпторов.
 А ты, обильный, щедрый,
 спокойно катишь волны,
 и если затопляешь берега, то лишь затем,
 чтоб в сушу жизнь вдохнуть.
 Твоя живительная влага питает пирамиды,
 чтобы они, не зная жажды, вели спокойно
 бесконечные беседы между собой,
 со звездами и ветром, о красоте,
 величии религий, их создавших
 и ставших прахом.
 О Хапи! Хапи!
 Ты — море и корабль одновременно.
 Ты — жизнь, и ты — небытие,
 ты — сфинкс, и ты же — пирамида.
 Ты их творец.
 Бессмертие — в твоём зеленом взгляде.
 И, если отведешь его,
 погаснет красота,
 окаменеет камень
 и жизнь из дерева уйдет.
 С тех пор как я увидел,
 как орошаешь ты земную твердь и небо,
 презрение кривит мой рот,
 нутро пронзает —
 презрение ко всем, кто грабил
 твою щедрость
 кто мумии вспорол,
 колоссов лица ранил и храмы осквернил.
 Твое презрение обращено на них.
 Я узнаю его в песчаном вихре,
 в молчании камней,
 во взгляде сфинкса.

Перевел с французского
 Георгий Ашкинадзе

учителя подбрасывали мне вопросы, стараясь посеять тревогу, но разве этот дом — не воплощение нашей мечты? Жизнь — как свечи, что зажигают в праздник рамадан. Вспомни: когда свеча догорала, мы обтирали подсвечник и зажигали новую. Так и бытие переплетается со смертью... Огонь в темноте вспыхивает от искры. Это сама жизнь. Завтра я посажу в саду апельсиновое дерево, опылю лимоны... Ответь: почему земля не отвергла деревьев в нашем саду? А сколько влюбленных

прячется от любопытных глаз на кладбищах? Сила жизни и любви сметает все преграды! Мы не совершаем никакого греха. Эта земля дает соки цветам и плодам, малыши играют на ней... Ты засыпаешь? Улыбаешься. Наконец-то! Губы твои словно розы. Земля создает нас, а мы создаем землю. Жизнь приходит на смену смерти, подобно заре, сменяющей ночь. Вот ты и успокоилась! Ты слышишь? Птичка поет... Вроде бы на пальме, нет, на шелковице. — На шелковице, — прошеп-

тала она. — Нет, нет, не там, здесь...

— В доме?

— Нет, вот тут...

Она прижала его руку к своей груди. Он крепче обнял ее. Наконец-то она тоже начала чувствовать, что Жизнь сильнее Смерти, хотя страх порой и сжимает сердце, словно кулак пойманную птицу. Ничто не может остановить движения Жизни.

Перевел
 Юрий Румянцев

СКОЛЬКО ЛЕТ КАИРУ?

М. КОРОСТОВЦЕВ

ВЕСНОЙ 1969 года было отмечено тысячелетие существования Каира. Действительно, арабский полководец Гохар основал современный Каир в 969 году и назвал его Эль-Кахира. Однако, основываясь на данных науки, можно доказать, что эти десять веков являются лишь последним, но отнюдь не первым тысячелетием многовековой жизни одного из древнейших городов мира.

Как же установить возраст города? Совершенно ясно, что для определения хотя бы приблизительно даты возникновения поселения необходимо установить, когда появился первый, древнейший его квартал. И именно с этой точки зрения Каир много старше.

Полководец Гохар заложил Эль-Кахиру не на голом месте, а в непосредственном соседстве с населенным пунктом, именовавшимся тогда Фустат («палатка») и в наши дни являющимся частью современного Каира, которая известна под именем «старый Каир». Название «Фустат» поселению дал

в 640 году н. э. арабский полководец Амр, который подчинил Египет арабскому халифату. До появления войск Амра на берегах Нила поселение носило имя, данное ему древними греками, — Вавилон. Название «Вавилон» вызывает некоторое недоумение: почему древнеегипетский город оказался тезкой легендарного центра Двуречья? Известный немецкий египтолог Курт Зете выдвинул весьма остроумную гипотезу. Египетское название города звучало приблизительно как «Пи-Хапу-Лон», что значит «дом [бога] Хапи Она», — созвучно греческому названию «Вавилон».

Так или иначе, египетский Вавилон — исторический и географический факт. Здесь был расквартирован один из трех римских легионов, оккупировавших страну после присоединения Египта к Римской империи в 30 году до н. э. Известный географ древности Страбон пишет: «Если плыть дальше вверх по реке, то достигнем Вавилона, сильного укрепления, где какие-то вавилоняне подняли восстание и добились от царей разрешения основать колонию; теперь это лагерь одного из трех легионов, охраняющих Египет. От лагеря простирается до Нила горный хребет, через который поднимают воду из реки при помощи черпальных колес и винтовых насосов: 150 колодников заняты на этой работе. Отсюда ясно можно видеть пирамиды на противоположном берегу реки у Мемфиса, которые находятся поблизости».

Подчеркнем снова, что Вавилон — это «старый Каир», являющийся в наше время частью столицы Египта. Следовательно, этот город существовал уже на тысячу лет раньше, чем 969 год. Но и эта дата отстоит от основания Каира на много веков.

«Вавилон» было греческим названием города, а «Пи-Хапу-Лон» — египетским. Но он имел еще и другое египетское название — «Хери-аха», что означает в переводе «место сражения»: здесь, согласно древнему мифу, произошло решающее сражение между двумя непримиримыми соперниками — богами Хором и Сетом.

Имеются два древнейших упоминания Хери-аха, оба относятся к середине III тысячелетия до н. э., одно — в мифологическом контексте в Текстах Пирамид (стих 1350), другое — в Палармском камне. Оба эти упоминания никакой другой информации не содержат, но для нас они ценны тем, что являются бесспорным свидетельством

существования какого-то поселения на месте современного «старого Каира». Таким образом, в действительности Каир имеет возраст минимум в 4470 лет. Подобным долголетием не может похвастать ни один из современных городов в мире!

К сожалению, наши сведения о том, что собой представлял Хери-аха до греко-римских времен, более чем скудны. История египетских городов вообще очень мало известна. Все данные, которыми мы располагаем, можно суммировать следующим образом.

Городским богом Хери-аха был бог Атум, один из важнейших персонажей древнеегипетского пантеона. Хери-аха соединялся с Гелиополем двумя дорогами — одна из них упоминается в стеле Сфинкса (время 18-й династии, XV век до н. э.), другая — в стеле Пианхи (25-я династия, VIII век до н. э.). В последнем тексте эфийский фараон Пианхи, уже завладев Мемфисом, повествует: «Когда озарилась земля и наступил заветный день, его величество направился на восток. Было совершено жертвоприношение в Хери-аха [богу] Атому и в пещере богов. Жертвоприношение состояло из скота и гусей, чтобы он [бог Атум] даровал его величеству Пианхи жизнь, процветание и здоровье. Затем его величество направился в Гелиополь, перевалив через горы Хери-аха по дороге [бога] Сета». Эти строки очень показательны. Фараон Пианхи (фараон Куша) в своей огромной и очень интересной надписи рассказывает о том, как он завоевывал Египет и подчинял его своей власти. Осуществляя столь грандиозное предприятие, он, естественно, считал своим долгом расположить богов Египта в свою пользу, а потому посещал главные религиозные центры. Посещение им Хери-аха свидетельствует о том, что в его глазах Хери-аха был одним из заслуживающих внимания религиозных центров страны.

Следует напомнить, что вершина дельты Нила и прилегающий к ней с юга отрезок нильской долины с древнейших времен были населенным и культурным районом Египта: здесь размещался древний Гелиополь, здесь, по преданию, легендарным основателем 1-й династии Менесом был zaloжен Мемфис, и здесь же находился Хери-аха, возникновение которого теряется в глубине веков.

...Как бы то ни было, Каиру никак не менее 4470 лет.

Михаил Александрович Коростовцев (род. в 1906 году) — известный советский историк Древнего Египта, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института востоковедения Академии наук СССР.